

БЕЗ ЦАРЯ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

«Борис Годунов» в постановке Деклана Доннеллана

Иногда «язык» сцены становится похожим на подиум современного шоу. Справа — Евгений Миронов в роли Самозванца. Фото Михаила Гутермана

Нрависки... газета. — 2000. — 20 июля. — с. 7

Павел Руднев

ДЕКЛАН ДОННЕЛЛАН, ставя русскую пьесу с российскими актерами, верно рассчитал, что традиционное сценическое пространство не годится для такого эксперимента, ставшего возможным при поддержке Международного театрального фестиваля имени Чехова, Британского совета, театральных фестивалей в Авиньоне и Брайтоне. Английский режиссер заменил привычную сцену-коробку на длинный подиум, который стоит теперь на сцене МХАТа имени Горького, окруженный с двух сторон зрительскими рядами. В результате московский зритель не увидел знаменитых «геометрических мизансцен» Доннеллана, которые сперва очаровали Москву, а затем начали «притираться».

В «Борисе Годунове» удалось найти баланс между театральными традициями: российские актеры смогли подчинить себя «тотальной» режиссуре англичанина, но не стали сверхмарионетками, что так нравится Европе. На пресс-конференции Деклан Доннеллан признался в том, что российским актерам он показался матерью Терезой, а английским (после работы в России) — сущим Сталиным.

Отношения между Россией и Западом стали для Деклана Доннеллана предметом изучения в «Борисе Годунове». Этого следовало ожидать. Об этом, в частности, написано и у Пушкина. Доннеллан устанавливает четкие границы между миром Москвы и миром Польши: здесь церковный ритуал — отчего-то недвижимый, серый и мрачный недобрый воз-

дух, там — светские костюмы, рыцарское изящество поз, балы, любовные страсти.

Пока зритель пробирается на свои места, на сцене происходит некое молитвенное стояние священников: Доннеллан угадал серьезное влияние православия на поэтику пушкинской пьесы, но не смог сделать его светлым, отличным от борисовой интриги. Что бы ни происходило — Патриарх ли молится за Россию, венчают ли Бориса на царство, бранятся ли бояре — Пимен (Игорь Ясулович) все будет сидеть у своей печатной машинки и впечатывать в бумажные листы историю государства. Его «нелукавое мудрствование», пожалуй, под стать равнодушию — он знает все, что было и что будет наперед. Пимен говорит, и мы вновь не заметим пушкинского почтения к монаху: злой, желчный, гневный старик, пишущий, как *perpetuum mobile*. Об убийстве царевича — животрепещущем деле — Пимен рассказывает Отрепьеву по своим тетрадям, читая готовый текст, словно и не был живым свидетелем.

Годунова мы видим глазами Пимена-Карамзина, но не глазами Пушкина. Борис (Александр Феклистов) схож скорее с Ричардом III или даже с Клавдием — верткий, хитрый честолюбец и тиран, почти бандит. Он слит единой с чередой лукавых царедворцев, которые ходят за ним, как за «крышей». Мы не увидим мучающегося царя, не увидим его нравственных терзаний. Борис Александра Феклистова мелок и неприятен — он закуливает от толстой ритуальной свечи, а зашиша юродивого, слишком явно набирает себе рейтинговые очки в глазах народа.

Пожалуй, впервые нервность,

неврастеничность Евгения Миронова так мягко «легла» на патологический рисунок роли Григория Отрепьева, изобретенный Доннелланом: в начале — поджатая сухая рука, вообще паралич левой части тела, суетливая речь. В сцене в Чудовом монастыре, в прологе истории Самозванца, инок Григорий поразит нас своей сиротством, убожеством — подавленный собственными комплексами, властью горячих сновидений, наконец, уродством тела, он мелко-мелко семенит между своим убогим углом и столом авторитарного Пимена. Если Бориса венчают на царство помазанием Патриарха, то Григория «приводят в чувства» элегантной костюмной щеткой и облаком польского одеколона, чуть позже — воллой из фонтана его окропит властолюбивая Марина Мнишек. Когда на польском балу Григорий пустится в русский пляс с радостями иноплеменинцев, мы поймем, что он один не видит, как стал для поляков «русской штучкой», этаким шутком-чудаком в европейской тройке. Доннеллан доводит главных героев пьесы до того момента, когда они превращаются в опустившихся злодеев, твердо убежденных в справедливости зла. Власть развращает — любимая русская мысль. Монархист Пушкин в «Борисе Годунове» всячески противится этой идее, попросту утверждая, что позитивные качества обоих властителей — не те, за которые обретается любовь народная.

Следовало ожидать, что европейцу более всех удастся самая «европейская», самая классицистская сцена пьесы — «У фонтана». Здесь действие замирает и растягивается во времени — замороженный притихший зал

внимает и шуму воды, перебираемой рукою Марины Мнишек, и шелесту ее платья, медленно надвигающегося воланом, когда она опускается на колени, и даже звонкому звуку поцелуя, который оказывается первым в истории их любви. Ирина Гринёва в роли Мнишек, собственно, и становится главной сенсацией спектакля. В молодой актрисе Театра имени Станиславского, известной до сей поры, что называется, лишь в узких кругах, заметны та самая сила убеждения и крупность характера, которых нам так не доставало в Борисе и Самозванце. Змеиной эротичной пластикой, женской горячностью, двойной страстью, приумноженной корыстью и острым желанием подчиниться силе, она захватывает душу Григория и держит в сильных, неженских объятиях. Подобно Атланту, что зарягается энергией от земли, она обретает невероятную темную силу от стихии воды. Она вылепливает из польской игрушки себе господина и уходит в надежде на то, что Отрепьев стал настоящим монархом. Но Доннеллан и здесь показывает тщедушие Самозванца. Под смех публики Григорий глубокомысленно подымает со дна фонтана монетки, что кидал туда до прихода Марины. То ли монашеская скупость, то ли нежелание больше видиться с унижившей его полячкой, то ли нежелание вообще возвращаться к женщинам.

Деклан Доннеллан дарует силу тем, в ком никто и не думал подозревать добрые помыслы, и лишает силы тех, кто недобр неосознанно. Таким вышел этот англо-русский спектакль, которому не хватило позитивной энергии, чтобы стать поистине пушкинским.

20.6.2000.

Доннеллан Деклан